

Быть может, она просто хотела навсегда порвать всякую связь между ними. Пусть и столь жестокими методами, она всё равно не могла вынести существования этой девушки — не могла примириться с тем, что в сердце игрушки, которая по всем законам должна была во всём ей повиноваться, вечно живёт кто-то другой.

Будь то жажда контроля или стремление покорить, присутствие той девушки не позволяло ей обрести покой. Но и убить её было нельзя, как нельзя и позволить кому-то вызволить её...

Хэ Янься нашла лишь этот единственный способ заявить о своих правах на неё, заставить ту осознать, что она принадлежит лишь ей одной и не имеет никаких иных прав.

А ведь в душе бушевало столько смутной тревоги, но она всё равно поддалась этому необъяснимому порыву. словно капризный ребёнок, но до безумия жестоко.

Впервые в жизни она потеряла рассудок из-за какого-то дела, сойдя с привычного пути. Бушующее в груди вождение мешало ей понять собственное сердце: чего же в конце концов она хочет? Получить её или уничтожить без следа?

На лице той женщины не осталось и следа прежней живости — она лишь сидела, опустив голову, с пустым взглядом, похожая на марионетку, словно всё на свете больше не имело к ней никакого отношения.

Хэ Янься думала, что в самом начале та одарит её яростным или полным ненависти взглядом, и в её глазах будет ясно написано желание искромсать мучительницу на тысячу кусков — такая гордая, такая упрямая.

Она ведь сама уничтожила самое дорогое, что было у этой женщины, но та не выказала ни гнева, ни ненависти, лишь погрузилась в мёртвую тишину заброшенного пруда, где больше не поднималось ни единой ряби.

Она предпочла бы видеть твою безудержную ненависть и отвращение, лишь бы снова разглядеть огонь в твоих глазах, но теперь собственными руками затоптала даже последнюю искру.

Неужели на этот раз она и впрямь совершила ошибку?

Много дней Му Цзышань ничего не ела. Если лекарство вливали насильно, её тут же тошнило, а когда ей пытались дать воды, она не смачивала губы даже капелькой.

После нескольких дней таких мучений Му Цзышань до того исхудала и обессилела, что лежала на кровати при смерти, почти не подавая признаков жизни.

Хэ Янься знала, что в тот день своими действиями лишила Му Цзышань самой воли к жизни,

из-за чего та и решила умереть. Сейчас пленница была слабее ребёнка, её внутреннюю энергию полностью рассеяли, а сама она целыми днями была закована на постели, словно арестантка — не в силах даже покончить с собой. Вот почему она могла добиться своего лишь голодовкой. Подумать только: некогда прославленная, полная боевого задора воительница теперь опустилась до такого жалкого состояния. Это вызывало одновременно и жалость, и горькую досаду.

В сердце Хэ Янься шевельнулось раскаяние, но признать собственную ошибку она не желала. Однако, наблюдая, как из этой женщины уходит жизнь, она чувствовала себя так, будто кто-то сжимал её сердце клещами, причиняя невыносимую боль.

Она не хотела, чтобы та вот так умерла. Пусть даже насильно удерживать её рядом — всё лучше, чем смотреть, как этот человек исчезает у неё на глазах.

Да и в конце концов, всё случившееся произошло лишь по её минутной прихоти. Если бы она с самого начала не изобретала столько изощренных способов для пыток, та никогда бы не оцепенела душой и не превратилась в пепел. А если бы она сразу прикончила её, возможно, ей и не пришлось бы теперь изнемогать от тревоги и тоски по кому бы то ни было.

Раз уж сама посеяла эти злые семена, расхлёбывать тоже придётся самой.

Прихватив миску с целебным женьшеневым супом, которую приготовили слуги, Хэ Янься уселась рядом с Му Цзышань и попыталась покормить её с ложки. Та, хоть и обессилела вусмерть, наотрез отказывалась разжать зубы. Когда Хэ Янься, сжав ей подбородок, попыталась влить отвар силой, Му Цзышань выплеснула всё обратно. В конце концов Хэ Янься сама сделала большой глоток и, припав к её губам, языком протолкнула жидкость в рот пленнице, а затем зажала ей горло, принуждая проглотить. Но едва её губы отпрянули, Му Цзышань задохнулась в судорожных позывах к рвоте. Её и без того слабое тело содрогалось от спазмов, и вскоре роскошная постель Хэ Янься, застеленная тончайшим шёлком, была испорчена.

Зная, что рвота подтачивает силы, и опасаясь, что хрупкое тело пленницы не выдержит таких издевательств, Хэ Янься пришлось отложить пиалу и велеть слугам прибраться. Лишь когда простыни и одеяла заменили новыми, она снова уложила Му Цзышань.

— Какая тебе польза спорить со мной? — Хэ Янься с беспомощным сердцем смотрела на Му Цзышань, не зная, как поступить.

В глазах женщины больше не было ни проблеска жизни. Хэ Янься понимала: та больше ни с кем не борется — она лишь отчаянно ищет смерти, не желая больше влачить жалкое существование в этом мире.

— Больше я не стану тебя мучить... — рука Хэ Янься коснулась лба Му Цзышань. Та отвела потухший взгляд, но когда чужая кожа коснулась её собственной, невольно поморщилась от отвращения. Хэ Янься замерла на полуслове, медленно отняла руку и, словно с неохотой,

добавила: — И впредь не стану касаться тебя без нужды...

В её груди бурлили мириады мыслей, спутавшись в тугой клубок.

Где бы ни появлялась Хэ Янься на вольных дорогах Цзянху, от одного её имени у людей стыла в жилах кровь, а в Дворце Цюньин стоило ей лишь шевельнуть пальцем или топнуть ногой, как все вокруг замирали в страхе. Когда ей доводилось унижаться перед кем-то?

Но стоило столкнуться с этой женщиной, как все запреты рухнули. То, чего она никогда прежде не делала, теперь было проделано от начала и до конца. Потеря рассудка, безумные поступки, изнуряющая тоска и терзающие душу сомнения — стоило этой женщине войти в её жизнь, как всё полетело кувырком, покатилося по наклонной туда, где удержать контроль уже не было никакой возможности.

И тем не менее она, словно зачарованная, неотвратимо шагала вперёд — туда, чей конец была не в силах разглядеть.

— Прости... за то, что сделала с тобой... — голос Хэ Янься звучал глухо. В нём пропали привычные насмешливые и издевательские нотки, сменившись редкой серьёзностью.

Хотя Му Цзышань находилась в беспамятстве, она отчётливо расслышала каждое слово. Лицо стоявшей перед ней женщины было суровым, брови нахмурены, а в голосе не чувствовалось фальши.

Однако Му Цзышань вовсе не приняла её слова близко к сердцу — ей это показалось лишь смешным.

Та — глава Культа Демонов, а она — пленница, с которой играют как вздумается. Та находит радость в издевательствах, превратила её в калеку, растоптала всю её гордость и уничтожила самое дорогое...

А теперь она просит у неё прощения?

Мудрёно угадать, какую ещё игру затеяла эта женщина. Но Му Цзышань больше не желала подыгрывать.

Её тело, её нестигаемая гордость, наконец, чувства, которые она столько лет прятала в самом сокровениом уголке души, не смея взглянуть им в глаза — всё это перед лицом демоницы оказалось лишь новой занятой игрушкой, призванной позабавить её на мгновение. Сама же она, как ни цеплялась за жизнь до последнего, проиграла подчистую, не оставив себе ничего.

Этот поединок она проиграла. Проиграла с треском, до отвратительного жалко.

Жить дальше не имело никакого смысла. Уж лучше покончить со всем разом, обретя лёгкую и свободную смерть.

Заметив, что Му Цзышань вроде бы слышала её слова, но во взгляде по-прежнему читалось лишь равнодушие и всё та же глухая тоска, Хэ Янься поняла: её речи не возымели ни малейшего действия.

Глядя на пустые глаза распростёртой на ложе женщины, Хэ Янься испытывала бурю противоречивых чувств, но поделать ничего не могла.

Постояв у изголовья еще с полчаса, она лишь поправила одеяла Му Цзышань и молча вышла из комнаты.

В последние дни Хэ Янься не бросалась из крайности в крайность, как раньше, однако все в культе видели, что настроение у главы хуже некуда, а потому никто не смел лишний раз попадаться ей на глаза.

Зато Матушка Ма, несколько дней державшаяся в тени, вновь неожиданно объявилась перед Хэ Янься.

Заприметив, что Хэ Янься сидит в одиночестве у пруда и кормит рыб, а её лицо заволокла такая грозная туча, что слуги жались по углам натальном расстоянии — словно ожидая, что хозяйка вот-вот швырнёт в них пару молний, — Матушка Ма взмахом руки отослала прислужниц, следовавших за главой, а сама подошла и остановилась рядом.

Хэ Янься не обернулась, но по мерному шагу и его тяжести сразу поняла, кто пожаловал. Она лишь легко усмехнулась, с некоторой досадой бросив:

— Матушка Ма, что ни встретишь меня — вечно пренебрегаешь подобающим этикетом.

— Быть может, старухе восполнить всё сполна в следующий раз? — на губах Матушки Ма играла улыбка. Хэ Янься знала, что та лишь отшучивается, и отмахнулась, показывая, что развивать тему не нужно.

— Старуха тут на днях слышала... та девица, которую вы пленили, уже много дней ничего не ест. Похоже, она твёрдо решила умереть... — Матушка Ма попыталась зайти издалека и тут же заметила, как тучи на челе Хэ Янься сгустились ещё сильнее.

Кое-какие причины и следствия этой истории Матушка Ма ведала. По словам людей Хэ Янься, в тот день та вытащила Лян Цзиньюэ из комнаты, где та содержалась под стражей, запечатала ей точки на теле и приволокла в покои Му Цзышань. Что именно произошло после, рядовые культисты не знали — им было ведомо лишь то, что с той поры Му Цзышань перестала принимать пищу, словно всю её волю к жизни отобрала сама Хэ Янься, и превратилась в

безвольную куклу, растерявшую весь свой былой горор.

— Жива она или мертва, мне уже не совладать с ней. Пусть катится к чёрту... — Хэ Янься затуманенным взором следила за пёстрыми карпами, дерущимися за брошенный корм, но в голосе её звучало слишком много горечи и обиды. Матушка Ма наблюдала, как Хэ Янься росла с пелёнок, а потому знала её лучше остальных. Пускай в глазах Цзянху она была свирепой владычицей демонов, в душе Хэ Янься до сих пор сохраняла немало детских повадок: то, чего ей хотелось больше всего на свете, она пренебрежительно ругала вслух, а к тому, что заботило её сильнее прочего, никак не могла относиться с холодным расчётом. В этом они с самой Матушкой Ма в молодости были до жути похожи.

— Я-то думала, всё иначе обернётся... думала...

Матушка Ма умолкла на полуслове. Хэ Янься нахмурилась ещё круче, погрузившись в непроницаемый мрачный турок. Старуха рассчитывала, что та продолжит молчать, но та спустя мгновение вдруг заговорила сама с собой, словно в бреду.

Опираясь на знание нрава Хэ Янься и собственные догадки, Матушка Ма догадывалась: Му Цзышань искала смерти именно из-за какого-то поступка самой Хэ Янься. Вот только что именно произошло? Во всём Дворце Цюньин об этом, пожалуй, ведали лишь они двое да сама пленница.

Единственное, в чём не было сомнений — Хэ Янься вовсе не желала гибели той женщины и, казалось, дорожила ею больше жизни, просто гордость не позволяла ей в этом признаться.

Вспомнив вздорный характер Хэ Янься, Матушка Ма тяжело вздохнула. Услышав этот вздох, Хэ Янься обернулась и встретила с ней взглядом, но та лишь вновь добродушно улыбнулась.

Не придавая этому значения, Хэ Янься отвернулась и продолжила бросать корм рыбам.

— Зачем же вы так терзаете себя, глава?.. — раздался за спиной сочувственный шепот Матушки Ма. Хэ Янься промолчала: она и сама не знала, что именно Матушка Ма подразумевала под этим «так». Быть может, недавняя хандра Му Цзышань передалась и ей, погрузив в точно такое же уныние, из-за которого в последние дни совсем не хотелось ни с кем разговаривать.

И впрямь, с какой стати она взвалила на себя эту неблагодарную игрушку? Надеюсь позабавиться на досуге, а в итоге сама же стала рабыней чужих перепадов настроения, растеряв душевный покой из-за какой-то девчонки.

Хэ Янься лишь горько усмехнулась, не удостоив старуху ответом — возможно, она и сама не ведала, что на это ответить.

— Человек, накопивший долги, рано или поздно должен их вернуть.

Слова Матушки Ма прозвучали легко, но заставили руку Хэ Янься замереть. Зажатый меж пальцами корм ещё с пол-островка висел в воздухе, прежде чем посыпаться вниз — и в тот же миг водная гладь вскипела от бросившихся к добыче рыбьих стай.

— К концу всё сводится лишь к ранам для других и себя, пустая трата сил.

Речи Матушки Ма вечно казались странными, но несли в себе некий скрытый смысл.

Расспрашивать та не стала — Хэ Янься лишь продолжала молча кормить рыб у пруда, в то время как буря в её глазах сгущалась всё сильнее.

Запертая на постели Му Цзышань исхудала до такой степени, что на её теле не осталось ни унции плоти, а взгляд сделался ещё более туманным и пустым.

Хэ Янься навещала её каждый день: кормила с ложечки, заводила праздные разговоры, но упрямство пленницы оставалось прежним — она упорно шла к смерти.

Не находя выхода из тупика и не желая сдаваться, Хэ Янься думала: будь что будет, раз уж она пала жертвой этой женщины. Она и представить не могла, что настанет день, когда она вот так утратит собственную волю.

Пусть так. Она уступит ей во всём — по крайней мере, сейчас это был единственный путь, который стоило испытать.

— Если я скажу, что отпущу твою младшую сестрицу, а взамен потребую, чтобы ты во всём меня слушалась — ты согласишься? — Хэ Янься присела на край постели Му Цзышань. Помнив данное себе обещание больше не прикасаться к ней, она намеренно села чуть дальше обычного.

Му Цзышань никогда не волновали слова Хэ Янься, но эта фраза заставила её встрепенуться.

Безжизненные глаза наконец обрели подобие осмысленности. Ослабевший взгляд медленно повернулся в сторону Хэ Янься и в конце концов встретился с её глазами — в них читалась неподдельная серьёзность, лишённая всякой фальши.

Попытки последних дней наконец принесли плоды, и в сердце Хэ Янься дрогнуло сострадание. Но если бы в ультиматуме не было упомянуто младшей сестры этой девчонки, та вряд ли стала бы слушать, и от этой мысли на душе вновь стало гадко и сложно.

Впрочем, Хэ Янься оставалась Хэ Янься: каков бы ни был бури в её душе, она всегда умела

держат лицо.

— Давай заключим сделку: ты соглашаешься, а я отпускаю твою сестру.

Му Цзышань долго вглядывалась в её зрачки, словно о чём-то раздумывая. Хэ Янься отчасти догадывалась, о чём та размышляет, а потому добавила:

— Я знаю о вашем договоре с учителями: если пройдёт оговоренный срок, а вы не объявитесь, кто-нибудь обязательно догадается, что вы в беде.

— На этот раз ваша школа отправила на поиски отряд, и среди них твой младший соученик — Чу Линсун.

Стоило услышать это имя, как зрачки Му Цзышань мгновенно сузились. Внезапный искра страха прогнала остатки тумана из головы: тело было слабым, но разум оставался ясным. Она прекрасно понимала, к чему клонит Хэ Янься. Если та уже узнала об их передвижениях, то с ее нравом все эти люди вряд ли отделаются легким испугом.

Му Цзышань стиснула зубы и глубоко вздохнула, силясь вернуть хладнокровие. Ей и так было невыносимо стыдно за то, что по её вине пострадала младшая сестра, да ещё и попала в лапы Хэ Янься. А если теперь из-за них схватят и остальных...

Она смотрела на Хэ Янься, но не могла вымолвить ни слова.

Та, словно прочитав её мысли, легко улыбнулась — в этой улыбке не было прежней едкой насмешки, лишь неожиданная мягкость.

— Не бойся, я их не убила. Более того, они даже не догадываются, что мне известно об их прибытии...

Му Цзышань смотрела на Хэ Янься, снедаемая тысячей сомнений, не понимая, какой очередной коварный замысел зреет в голове демоницы. А та тем временем подняла с тумбочки пиалу с супом, подула на неё и зачерпнула ложку, поднося к губам пленницы.

— Сначала допей это, а потом я продолжу.

Голос звучал мягко, но в нём сквозила непреклонная властность.

Му Цзышань долго смотрела на неё, затем на поданную ложку. Поколебавшись несколько раз, она наконец приоткрыла рот. Хэ Янься аккуратно влила отвар и зачерпнула следующую ложку.

Подув на неё, Хэ Янься снова поднесла лекарство к губам Му Цзышань и, дождавшись, пока та с видимой неохотой проглотит порцию, продолжила:

— Я с самого начала знала, что они попытаются вас спасти, и всё это время выискивала их следы. Только вот защита во Дворце Цюньин крепка, и прорваться внутрь им не удавалось...

— Я не вмешивалась и позволяла им околачиваться вокруг наших стен.

— Я не хотела их убивать — но это вовсе не значит, что я не смогла бы это сделать.

Уголки губ Хэ Янься снова искривились в леденящей усмешке, и Му Цзышань почувствовала, как у неё напряглись все мышцы. Взгляд, устремлённый на Хэ Янься, вновь полыхнул яростной ненавистью.

Вот она — прежняя.

Ненавидь меня, презирай, желай искромсать на куски, сделай со мной что угодно — живой человек и должен смотреть именно так. Этот пустой, потухший взгляд совершенно не шёл твоему гордому лицу.

Но в сердце всё же затаилась горькая досада: она и представить не могла, что заставить Му Цзышань жить удастся лишь таким путём.

Похоже, эта женщина действительно будет ненавидеть её до конца дней.

— Чего... чего ты в конце концов добиваешься? — голос Му Цзышань был слаб, но тон не смягчился ни на йоту.

— Заклучи со мной сделку, и я отпущу твою сестру, а заодно и всех соучеников, что пришли вас выручать.

В глазах Хэ Янься читалась полнейшая серьёзность. Му Цзышань в упор смотрела на неё долгие мгновения, прежде чем крепко сжатые челюсти наконец разжались.

Она знала возможности тех соучеников. Если Хэ Янься действительно пошлёт против них мастеров Дворца Цюньин, им ни за что не выстоять, и тогда на её совести окажутся новые жертвы.

— Каковы твои условия? — после долгих внутренних терзаний Му Цзышань всё же задала этот вопрос.

— Стань моей служанкой и с этих пор повинуйся моим приказам, — произнесла Хэ Янься, черпая очередную ложку супа и не дожидаясь ответа, тут же вливая её в полуоткрытый рот пленницы.

Проглотив отвар, Му Цзышань пришла в себя и окинула Хэ Янься растерянным взглядом.

В её глазах бушевала смесь самых разных чувств: ненависть, отвращение, недоумение и страх.

Заметив смятение в её душе, Хэ Янься добавила к сказанному:

— Не бойся, я же говорила: без нужды не стану тебя трогать и больше не заставлю делать подобное. — Увидев, что Му Цзышань всё ещё кусает губы, глядя на неё, она поспешно уточнила: — И переступать через твои принципы я тоже не буду принуждать.

— Но во всём остальном ты должна мне подчиняться.

Му Цзышань долго молча смотрела на Хэ Янься, словно силясь вычитать в её глазах, сколько здесь правды, а сколько лжи, или решая задачу, от которой зависела жизнь и смерть.

— Соглашайся, и я отпущу твою сестру и всех ваших братьев по оружию.

Хэ Янься выглядела невозмутимой, но во взгляде её сквозило отчаянное, почти нетерпеливое моление — так не смотрят, когда лгут.

— Хорошо, я согласна.

Му Цзышань опустила голову. Во взгляде промелькнула тень безысходности, сменившаяся горькой, самоуничижительной усмешкой — то ли над нелепым требованием Хэ Янься, то ли над собственной никчёмной жизнью.

— А теперь выпей эту пиалу до дна, чтобы не осталось ни капли.

Хэ Янься подула на оставшийся в миске суп и протянула его Му Цзышань. Та уже протянула было руку, собираясь взять пиалу сама, но Хэ Янься отстранила её — вероятно, опасаясь, что из-за слабости та прольёт лекарство. В итоге она так и держала посуду сама, понемногу вливая суп в рот Му Цзышань.

Покончив с этим, Му Цзышань снова подняла голову, некоторое время размышляла о чём-то, собираясь с духом, а затем вновь заговорила:

— Но у меня есть ещё одно условие.

— Какое условие? Говори.

Хэ Янься поставила пустую пиалу на поднос, похоже, ей было совершенно всё равно, что именно та собирается потребовать.

В глазах Му Цзышань промелькнула мучительная боль, словно предстоящее решение давалось ей ценой невыносимых страчений. Её бледные губы несколько раз беззвучно дрогнули, прежде чем из них наконец вырвался звук.

<http://bllate.org/book/21760/2250247>